

Читайте остросюжетные романы
Елены Дорош
в серии «Вечерний детектив»:

Брошь с черным опалом
Портрет девочки в шляпе
Королевская лилия
Крест Шарлотты
Антикварная история
Пруд с золотыми рыбками
Слеза Евы
Забытый аромат
Семейная реликвия
Красное солнце валькирии
Французское наследство
Нить наяды
Царский подарок
Кипарисовый крест
Завеса зла
Рансодия Богемской
Роковой саквояж
Последний дар Элизы

Цикл «Сыщик Анна Чебнева»

Кукла Коломбины
Гребень Матильды
Танец Иды
Тетрадь князя Путятина

Е Л Е Н А
Д О Р О Ш

СЛЕЗА
ЕВЫ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д69

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *О. Фатиховой*

Дорош, Елена.

Д69 Слеза Евы / Елена Дорош. — Москва :
Эксмо, 2026. — 320 с.

ISBN 978-5-04-251846-1

Разбирая старый архив, профессор Бартенев и его помощница Глафира Вознесенская наткнулись на странное письмо. Как оказалось, оно связано с судьбами известных персон, живших два столетия назад. А еще в конверте обнаружилась женская серьга. Поиски ее хозяйки привели к удивительным открытиям и... привлекли внимание преступников. Ведь раритеты стоят дорого. Очень дорого... Где закончится путь последнего письма поэта той, которую он боготворил всю жизнь?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Дорош. Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026
ISBN 978-5-04-251846-1

БЕЛАЯ НОЧЬ

Время близилось к полуночи. По крайней мере, так ему казалось. Двери давно заперты, но он знает, как вернуться незамеченным. Не впервой ему убегать среди ночи и шататься по парку с товарищами, а в последнее время все чаще одному.

Небо светлело, но под тенью огромных деревьев было сумрачно. Хорошо, что дорожки прямые и никуда не виляют. Впрочем, он знал парк наизусть. К тому же видел в темноте, как кошка.

Ветер шумел в верхушках, но здесь, внизу, было так тихо, что он явственно слышал собственные шаги.

Он шел неторопливо и вдруг, уже почти дойдя до пруда, услышал голоса. Они звучали негромко, приглушенно. Нежные женские голоса.

Кому-то не спится белой ночью так же, как ему.

Он свернул с дорожки и стал пробираться к берегу. Водная гладь была девственно спокойна, а голоса доносились из беседки. С одной стороны к ней вплотную примыкали кусты, там можно спрятаться и подсмотреть.

Он проворно шмыгнул в заросли, обогнул строение и осторожно, очень стараясь не шуметь, прокрался к беседке. Вылезать было опасно: при таком освещении легко быть обнаруженным, поэтому он привстал на цыпочки и вытянул шею.

Их было пять. Женщины болтали и смеялись переливистыми голосами, а он изо всех сил пытался разглядеть, кто эти ночные наяды. Ему почудилось, что он узнал один из голосов. Неужели она?

Он переступил с ноги на ногу, наклонился и вытянулся в ниточку. Ах, если бы присесть прямо под балюстрадой! Тогда все было бы видно просто отлично!

Покусав губу, он немного подумал, а потом опустил на четвереньки и пополз под низко свисающими ветками. Худенький, ловкий, он двигался довольно быстро, и впереди уже показались фигурные столбики, обрамлявшие беседку.

Вдохновленный успехом, он решил сделать последний рывок и тут же наступил на сухой сучок.

Сучок предательски треснул.

Словно выстрел грохнул.

Раздался дружный визг.

От неожиданности он присел и закрыл руками голову.

Из беседки стремглав выбежали испуганные нимфы и с топотом понеслись по аллее ко дворцу.

Мгновение, и все стихло. Он подождал немного, пытаясь унять бешено стучащее сердце, а потом вдруг рассмеялся, закрывая рот ладонью.

Ветер, будто вторя, потряс листву деревьев.

Уже не очень хоронясь, он зашел в беседку и присел на мраморную скамью. Ему было смешно. Крался, будто бенгальский тигр, а в конце оконфузился, как неуклюжий бегемот.

— Fou, — обругал он себя по-французски.

Интересно, она была среди наяд? Она любит купаться по ночам.

Возле левой ноги вдруг слабо блеснуло. Нагнувшись, он поднял с влажного мраморного настила что-то маленькое и развернулся к свету, чтобы рассмотреть получше.

На его ладони лежала сверкающая капля.

Неужели эта сережка выпала из ее нежного уха?

Он подумал и тут же вспомнил. Да! Он видел эти бриллиантовые серьги на ней тогда... Конечно! Он не мог ошибиться! Ее облик он мог нарисовать с закрытыми глазами! Ах ты, Боже мой! Само провидение привело его в эту беседку!

Он нежно погладил пальцем серьгу. Какая прозрачная...

Как слеза...

ТЕТЯ МОТЯ

Матрена была родом из глухого северного села. Даже не села — деревни. В селе всегда церковь есть, а от их деревни до ближайшего храма более десяти верст. Если пешком, так почти четыре часа ходко шагать по проселку.

Матреной ее называли, потому что родилась двадцать второго ноября, как раз на преподобную Матрону Константинопольскую. На дворе стояла непогода, сыпал дождь со снегом, поэтому фельдшерица добраться до их дома не успела. В родах помогала деревенская повитуха. Хорошо, хоть такая наплась, иначе тятеньке самому пришлось бы дитя принимать. Впрочем, Евсей Иванович справился бы. Он всегда со всем справлялся.

Матрена любила отца куда больше матери. Никому бы в этом не призналась, но при любой нужде за советом и помощью бежала к нему. Ласковый да понятливый. Матушка тоже была хорошая, но суровая. Если что, так и слушать не

станет: враз подзатыльник отвесит, и побежишь, откуда пришел.

В школу Матрену отдали поздно, почти в восемь. Она и так росла девочкой крупной, а в классе вообще была всех старше и выше на голову, поэтому с первого дня ее стали дразнить тетей Мотей. Сначала она обижалась, плакала, а потом привыкла.

Так и осталась на всю жизнь тетей Мотей.

Школа была в селе. Чтобы не опоздать на урок, вставать приходилось вместе с матушкой, которая в четвертом часу утра отправлялась доить корову. До школы ее провожал тятенька, а зимой и встречал. Дорога ведь почти все время лесом шла. Волков в их местах не водилось, но медведи баловали. Весной посветлу она туда и обратно ходила сама. Привыкла наматывать километры.

Окончив школу, Матрена не в пример подружкам никуда не уехала, осталась помогать родителям, а для стажа устроилась в клуб секретарем к директору Михаилу Терентьевичу, своему крестному. Клуб построили в семидесятых. Вышел он огромным и помпезным, с четырьмя колоннами по фасаду. Народ в клуб ходил неохотно, все больше в храм. Только молодежь бегала в кино и на танцы, однако молодежи в их краях год от году становилось все меньше. Ставки в штатном расписании клуба все время сокращались, пока не остались директор, баянист, уборщица и секретарша. На это хлебное место крестный и пристроил Мотю.

На самом деле она была при клубе за всех. Крутила кино, включала на танцах магнитофон, готовила украшения на елку для малышей и была за Деда Мороза. Летом организовывала при клубе детский лагерь, чтобы родители могли спокойно ходить на работу, зимой с девочками вязала и пела народные песни, вроде как кружок фольклорный вела. Директор был доволен, потому что все это она делала за зарплату секретаря.

Ей было восемнадцать, когда приехали студенты строить новый коровник. Старый сгорел от короткого замыкания по весне.

У Моти случилась любовь с одним из них. Звали его Эдуард. Имя было необычное, звучное, гордое, да и парень ему под стать. Высокий и до невозможности красивый.

Пока студенты жили в деревне, в клубе всегда былолюдно и весело. Дискотеки — так на новый лад стали величать танцы — проводили чуть ли не каждый день. Деревенские парни девчонок к столичным не ревновали, так как их было раз, два и обчелся. Так, мелочь одна.

Мотя считалась девушкой видной, статной, вот только по росту ей никто из местных не подходил. А Эдуард подошел сразу. По всем статьям.

Осенью студенты уехали и вернуться не обещали.

А через месяц Мотя поняла, что беременна.

Три дня она просто ревела от страха, а потом пошла с повинной к тятеньке. Так, мол, и так,

грешна по полной программе. Думала, теперь батюшка от нее отречется.

А Евсей Иванович взял да обрадовался. Он думал, что дочка старой девой останется. За кого тут замуж-то выходить? Конечно, можно в район податься, а то и в Санкт-Петербург, будь он неладен, но Мотя от них с матерью никуда не уедет, это он знал и с каждым годом все больше печалился о судьбе дочери.

И вот те здрасте! Не было ни гроша, да вдруг алтын! В семье прибавление, и все при своих интересах: Мотя при сыне, а он при внуке.

Почему-то Евсей не сомневался, что родится мальчик. Так оно и вышло. Назвали пацана Андреем, потому что появился он на свет аккурат в последний день мая, как раз на Андрея Лампсакского, мученика.

Мать, как узнала, что дочка собирается в поболе принести, чуть не преставилась. Кричала и бранилась месяц. Еле отошла. Грозилась, что к прелюбодейному отродью, вымеску несчастному даже не подойдет, не разговаривала с дочерью до самых родов, а как увидела младенца, аж зашлась. Сама попросила на руки взять и с той поры с рук не спускала.

Как при такой любви не вырасти Андрюше красивым да добрым?

В доме Андрей был на все руки, учился хорошо, в храм ходил с удовольствием, не то что другие ребяташки, с людьми ладил, пользовался уважением стариков.

На него уж девушки стали заглядываться, приезжали в деревню, где он помогал матери в клубе, даже из соседних сел. Но парень был строгих правил. Сначала решил отслужить, а уж после о женитьбе думать.

И по осени ушел в армию.

Мотя быстро заскучала, да так, что хоть волком вой. Писал сын регулярно, но разве письмами тоску уймешь?

Через полгода тревога так замучила Мотю, что она собралась и поехала к сыну.

Все представляла, как он обрадуется, с аппетитом будет уплетать домашние гостинцы, а она наконец нацелуется крепких румяных щек сыночка, нагладится его темных кудрей.

Мотя добиралась до части без малого три дня, а когда доехала, узнала, что сутки назад ее Андрюша погиб, вытаскивая товарищей из горящей казармы. Других спас, а на самого балка упала и придавила.

Ей даже увидеть его не дали. Тело сильно обгорело, не на что, мол, смотреть.

В один миг Мотя ослепла и почти тронулась умом.

Через несколько дней, безумную и незрячую, ее нашли у ворот Спаса-Вознесенского женского монастыря.

Настоятельница матушка Аниманса до ухода в монастырь работала врачом на «Скорой». Она осмотрела Мотю и велела оставить.

Через год Мотя снова стала видеть, однако прийти в себя никак не могла. Почти не говорила и ничего не объясняла. Имя свое вспомнила, и все. Анимаиса сказала, что надо набраться терпения. Господь милостив.

Мотю пристроили убирать монастырский двор, мести дорожки, прочищать канавку вдоль стен.

Там, в канавке, на третьем году своего пребывания в обители Мотя и нашла коробку с полуживым младенцем.

Девочке было от силы несколько дней. Пуговина была плохо перевязана и сильно кровоточила.

Мотя принесла ребенка матушке. Та сказала:
— Выходим.

И выходили.

Крестили малютку девятого мая на Глафиру Амасийскую, праведную деву, в приделе святого Андрея Первозванного в храме Вознесения Господня.

Девицу так и нарекли — Глафира Андреевна Вознесенская.

В этот день Мотя пришла в себя. Упав в ноги матушке настоятельнице, она слезно молила ее не отдавать девочку в Дом малютки, а оставить при монастыре.

Матушка Анимаиса была женщиной разумной и понимала, что по закону это почти невозможно, но, помолившись, пошла по инстанциям. И слу-

чилось чудо. Девочка осталась на руках Моти, которая была уверена, что это Андриюшенька прислал ей вместо себя утешение. И отчество свое девочке дал.

К Моте все вернулось: и сила, и зрение, и разум. Уж этого ребенка она не потеряет.

Никто никогда не говорил Глафире, что ее нашли в сточной канаве. Все словно вычеркнули это из памяти, а вот Мотя не смогла. Заполненная темной грязной водой канава и размокшая коробка так и стояли у нее перед глазами. Даже поси-невшего младенца она помнила словно в тумане, а коробку — так, будто все случилось вчера. Она не могла объяснить это странное свойство памяти, но всякий раз, когда ей чудилось, что Глафире грозит опасность, тонущая в грязи коробка не давала ей покоя.

Мотя понимала это видение как знак от Господа. Мол, будь всегда рядом, не оставляй, не покидай.

Мотя так и делала: оставалась рядом с девочкой каждую минуту. Тем более что ни тятеньки, ни матушки уже не было на этом свете. Когда она, снова войдя в разум, кинулась в родную деревню, оказалось, что родители год как померли. Сначала отец от разрыва сердца, а потом уж и мать. От одиночества.

И остались они с Глафирой вдвоем.

ГЛАФИРА

Тетя Мотя была знатной ругательницей. Конечно, в монастыре любые ругательства — не только мат, но и все известные современному человеку нехорошие слова — были под строжайшим запретом.

— Это все дьявольское научение! Он вашими устами говорит! — любила повторять матушка Евтихия.

Но Моте все эти слова были не нужны. Всю жизнь прожившая в деревне, она отлично обходилась местной «терминологией», которую, кроме нее, никто расшифровать не мог, хотя догадаться о смысле было несложно.

Глафира знала, что Мотя любит припечатать словечком, поэтому сегодня с самого утра ждала вердикта на свое решение сойти с сытой чиновничьей стези.

И дождалась.

Вернувшись из магазина и повесив на крючок в прихожей пальто, которое Мотя называла

салопом и, не снимая, носила почти круглый год — зимой под него надевалась вязаная кацавейка и пристегивался цигейковый воротник, — выпрузила продукты и начала:

— Вот знала я, что ты межеумок. Это ладно. Но хоть не полная балабошка! Ну чего тебе в теплом кабинете не сиделось? Нешто там одни дуботолки сидят? Небось поумней тебя будут! А все потому, что ты поперешница! Тебе слово, ты — десять!

Мотя высунула из кухни сердитое лицо, чтобы видеть, доходят ее ругательства до Глаши или нет.

Глафира, отвернувшись, гладила белье и ничего не отвечала. Улыбалась только.

— А я ведь знаю, кто тебя с пути сбил! Тетешница эта, Ирка! Так ты ее не слушала бы! Она ведь мало того, что белебенья, так еще и сверби-гузка! Сама больше месяца нигде не работала и тебя совращает!

Глафира знала, что Ирку Мотя приплела не зря: провоцирует! Ждет, чтобы она вступила в пререкания, стала защищать подругу, и вот тогда-то Мотя даст жару!

Ну уж дудки!

Надо набраться терпения и дождаться, когда запал иссякнет и можно будет спокойно объяснить, почему она ушла из комитета соцзащиты. Надоело глупостями заниматься. Бумажки перекладывать, как говорится.

Окончив школу, Глаша выбирала, где учиться, и раздумывала недолго. Она выросла при монастыре и много навидалась. Больные и просто глубоко несчастные люди приходили к ним, чтобы получить помощь и сочувствие. Она умела выхаживать увечных, заботиться о старых — и все это не вызывало у нее отторжения и брезгливости, наоборот, радовала возможность помогать людям.

Она легко поступила в хороший вуз на отделение, где готовили социальных работников, и ни разу об этом не пожалела. Вот только работать ей пришлось в душном кабинете, забитом бумагами и бабами, которые сами не знали, что они тут делают. Просто работали за зарплату.

Мотя ужасно пугалась всяких перемен, а больше всего — неизвестности. Ну дело ли — пойти сиделкой в чужой дом! Что за дом? Какие в нем порядки? Может, там Глашу обижать будут, а это ей, Моте, стерпеть никак невозможно!

— Чего молчишь? Неужто язык проглотила? — поинтересовалась она.

— Жду, когда ты утомонишься и мы нормально все обсудим.

Глафира сложила стопочкой белье и убрала в шкаф.

Мотя ушла на кухню и тяжело вздохнула. Вот ведь с вечера чувствовала, что денек не задастся. Так оно и случилось! Господи, прости!

Глафира тихонько подкралась и обняла сердитую Мотю.

— Да не вздыхай ты так, а то у меня сразу под ложечкой сосать начинает. Все еще лучше будет, чем раньше. Точно тебе говорю.

— Говорит она, — ворчливо ответила Мотя, но было видно, что ласковый голос Глаши подействовал на нее успокаивающе.

— Мой подопечный — литературовед, доктор филологических наук.

— Каких «лологических»? Что за науки такие? — испугалась Мотя незнакомого слова.

— Вот обзываться белебениями и тюрюхайлами ты хорошо умеешь, а слова «филология» не знаешь! — назидательно сказала Глафира. — Это наука о литературе. Филологи ее изучают и нам рассказывают.

— А сколько ему лет, твоему профессору?

Мотя все старалась держаться поближе к интересующим ее проблемам.

— За семьдесят уже. Он инвалид. Не ходит давно.

— А руки у него работают? — продолжала выпытывать Мотя.

— У него голова работает, это главное. Знаешь, из четырех претенденток он сразу меня выбрал, — похвасталась Глафира.

— Так к нему еще и очередь была?

— А то ж! Интеллигентный одинокий человек, воспитанный, приятный в общении. К тому же хлопот с ним не слишком много.

— Как не слишком много, если и горшок выносить, и мыть, и перекладывать! Все тебе одной!

— Так в нем весу сорок килограммов! Он легкий! И потом, руки у него сильные, многое он сам делает, а на кресле, знаешь, как разъезжает! Быстрее меня! И главное, очень обходительный!

— Врешь ты все! Поди, пыня еще тот!

— Да нет, он не чванливый! Добрый! Работы совсем немного будет. Он целый день за столом сидит. Работает.

— И чего же он работает?

— Книгу пишет о поэзии. Толстую.

— Тооолстую, — передразнила Мотя. — Знаем мы этих филолухов!

— Да откуда ты их знаешь?

— Все они колоброды!

— Да как же колоброды, если он день и ночь работает! — всплеснула руками Глафира.

— Ну значит, тогда колупай!

Еще и колупай! Глафира поняла, что так просто Мотя не уговорится. Надо было предпринять что-нибудь эдакое, чтобы ее отвлечь.

— А помнишь, тебе понравился платок на тетке Вале из соседнего подъезда?

— И что с того?

— А вот!

Глафира принесла из коридора сумку и, словно фокусник, вытащила тонкий, переливающийся

ся ярким синим цветом платочек. Вообще-то вещьца береглась к выходным, ну да ладно!

Мотя посмотрела и ахнула.

— Газовый!

— Газовый и даже лучше, чем у тетки Вали!

Мотя развернула платок и полюбовалась.

— А где ж ты денег на него взяла?

— Мне аванс выдали. Вроде как подъемные.

— Так ты сразу все на платок профукала?

— Да ты лучше примерь.

— Нет, ты скажи!

— Надень, говорю, а то обижусь!

Мотя аккуратно сложила платочек и повязала на голову.

— Ну как? — спросила она с замиранием сердца.

— Поди, сама глянь!

Мотя подошла к зеркалу и засмотрелась.

— Королевна! Неужто не видишь?

Глафира посмотрела на довольное Мотино лицо. Угодила с платочком-то! Прямо насмотреться на себя не может! Теперь будет думать, как завтра наденет свой салон, повяжет платочек, пойдет в булочную, и все соседки это заметят.

— Ну спасибо тебе, Глаша. Только все равно...

— Давай чай пить, а, Моть! Ты меня уж при-
томила!

Мотя, забыв снять обновку, засуетилась, выставляя на стол тарелку с хлебом, сахарницу и чашки. Чай пить она обожала. Чуть управит-